

И.А. ПАНКЕЕВ,

доктор филологических наук, академик РАН, профессор
Международного независимого эколого-политологического университета,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, член Союза журналистов России

Жанры периодической печати

Фрагменты

Многие читатели сами пишут, присылают в редакцию свои материалы — не только стихи и рассказы, но и то, что называют в письмах «статьями» или «заметками», хотя при внимательном ознакомлении оказывается, что это не статьи и не заметки, а репортажи, зарисовки, рецензии, отчеты, обозрения, корреспонденции и т.д. Вероятно, вы поняли, что речь пойдет о жанрах, о способе организации материала.

О том, что такое жанры, написаны сотни научных работ — достаточно заглянуть в «Краткую литературную энциклопедию» или в БСЭ, в словарь Брокгауза и Ефрона или в «Кругосвет». Теоретики по сей день спорят: является ли отдельным жанром блиц-опрос и к какой группе жанров отнести интервью — информационной или аналитической. Наша задача — в другом: не пересказывать учебные пособия (их можно почитать и самостоятельно), а показать, как одно и то же событие может быть представлено в материалах разных жанров; как выбор жанра зависит от потенциальной аудитории, от поставленной цели и т.д. В самом деле, об открытии, например, музея, можно написать отчет; можно осветить это в интервью со специалистом; можно провести репортаж; а если есть основания, то можно и фельетон написать. Не говоря уж о нескольких строках под рубрикой «Хроника», или о корреспонденции, или об информационной заметке и т.д.

Но прежде чем говорить о жанрах, необходимо несколько слов сказать о том, без чего приступать к подготовке и написанию материала нельзя — о профессиональной этике, тем более, что эта брошюра предназначена в первую очередь для юных корреспондентов, сотрудников школьных редакций, т.е. тех, с кем и работают школьные библиотекари.

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЭТИКА

Сразу же возникают вопросы: обо всем ли можно спрашивать собеседника; обязательно ли воспроизводить его речь дословно; что дозволено журналисту, а чего он должен избегать в своей профессии; как быть, если работника редакции просят не править материал, а по нормам современного языка это все же необходимо; что делать журналисту, когда ему сообщают важные сведения, но при этом предупреждают, что информация «не для печати»; может ли корреспондент в документальном материале что-то домыслить, присочинить; насколько допустимо вмешиваться в личную, частную жизнь героя публикации и т.д.

Поэтому, прежде чем перейти к разговору о жанрах, остановимся на том, без знания чего нельзя приступать к созданию любого журналистского материала, а именно — на этике журналиста. Речь не о манерах — этим занимается этикет, а о профессиональных нормах и правилах, о том, что в данной профессии надо выполнять неукоснительно, а чего делать нельзя ни под каким предлогом. В науке это называется **деонтологией, то есть знанием о необходимом.**

Врач должен следовать принципу «не навреди», приложить все усилия для того, чтобы вылечить заболевшего; естественно, при этом он обязан держать в тайне от других историю болезни; конечно же, обязан использовать стерильные инструменты, быть в чистом халате, мыть руки после приема каждого пациента и т.д.

Юрист должен следовать принципу презумпции невиновности, стремиться к тому, чтобы как в разбирательстве, так и при вынесении решения преобладали разумность и справедливость, а не эмоции или корысть.

Учитель должен стремиться дать верные и прочные знания в том объеме, который позволит воспитаннику полноценно использовать их и знать пути для их пополнения.

Казалось бы, все очень просто. Но не случайно в каждом вузе с первого же курса обучают этому необходимому в профессии, доводя до

автоматизма, до привычки — как утреннее умывание.

А что составляет профессиональную этику журналиста? Стремление быстро, оперативно доносить до читателя (зрителя, слушателя) правдивую, проверенную, достоверную информацию. Сохранение в тайне источника информации, если это условие заранее оговорено. Немешательство журналиста в личную жизнь граждан, если только это не продиктовано интересами общества или угрозой жизни. Недопустимость плагиата (т.е. присваивания себе чужих произведений). Использование только честных методов получения информации, полное исключение возможности фальсификации документов, получения взяток и т.д.

Таких требований — десятки. Они зафиксированы не только в международных актах и федеральных законах, но и в специальных документах, среди которых «Международные принципы журналистской этики», «Каноны журнализма», «Кодекс профессиональной этики журналиста», «Московская хартия журналистов» и другие. Проблеме журналистской этики посвящены также книги Д.С. Аврамова, В.А. Аграновского, Р.Г. Бухарцева, Г.В. Лазутиной, В.М. Теплюка, М.И. Шостак и многих других практиков и теоретиков.

Такое особое, пристальное внимание к этому вопросу вызвано тем, что журналистика — не совсем обычная профессия. От журналиста зависят судьбы сразу многих людей — не только их информированность, осведомленность, но порою и в целом мировоззрение, отношение к тем или иным явлениям. Об этой профессии еще М.В. Ломоносов писал, что нельзя превращать ее только в средство зарабатывания денег; главное — искать истину и доносить ее до читателя: **«Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость...»**

С тех пор прошли века, но разве и поныне не видим мы на страницах некоторых газет вместо свободы слова — вседозволенность; вместо объективной, беспристрастной оценки — безудержное восхваление или явно заказанное очернительство? Правда, и читатели, и коллеги таких корреспондентов быстро понимают их сущность и стараются избавить газеты, журналы и эфир от подобного «творчества», которое подрывает авторитет не только редакций этих изданий и передач, но и журналистики в целом. А профессиональное сообщество — это большая сила. Один раз допустишь в материале неточность, другой раз — дезинформируешь читателей, третий раз — выдашь доверенную тебе тайну, и уже не удивляйся тому, что ни одно серьезное издание не захочет с тобой работать: слух о таких «умельцах» разносится моментально.

Многие начинающие журналисты по неопытности считают, что главное — уметь писать «красиво». Но журналистика и литература — разные области деятельности. Они только внешне похожи, потому что используют одни и те же средства — слово и печать. В журналистике **нельзя придумывать, фантазировать, высказывать свое мнение от имени других, подделывать факты и события под свою концепцию.** Здесь важна предельная точность. Не случайно Р. Ставинский называл журналистов «производителями информационных услуг».

А как же стиль, образность, интрига, публицистический накал, увлекательный сюжет? — спросите вы.

Во-первых, одно не отменяет другого.

Во-вторых, смотря о каком жанре речь — художественный очерк отличается от репортажа, отчет — от комментария, а фельетон — от статьи.

В-третьих, в журналистике, в отличие от литературы, речь всегда идет о конкретных людях, у каждого из которых есть семья, друзья, коллеги; здесь неверно истолкованное признание, неточное описание внешности, перевернутая фраза

могут обернуться конфликтами. Много лет назад, будучи главным редактором одной из газет, я вынужден был расстаться с молодым способным журналистом потому, что после публикации его материалов почти всегда приходилось извиняться: то он приписывал «плавную речь» человеку, который на самом деле заикался; то придумывал герою хобби, какого у того никогда не было; то искажал фамилии. Разве после этого они могли доверять газете, которая заставила их страдать, переживать, выслушивать насмешки?

Давно известно, да и просто по-человечески справедливо: пишешь о споре двух сторон, так выслушай обе; догадываешься, что публикацией можешь спровоцировать нежелательные последствия для третьих лиц — трижды подумай, прежде чем писать.

Если в материале все же прозвучали неофициальные обвинения, нелицеприятные оценки, то издание должно быть готово предоставить обвиненным право на ответ. Точно так же, если журналист ошибся, допустил неточность, то он обязан исправить ошибку, принести извинения, известить об этом читателей. Одна из газет назвала человека вором, привела доказательства, свидетельства. И тем не менее вынуждена была отвечать в суде. Потому что одно дело — версия, подозрение, и совсем иное — вынесение приговора. Только суд имеет право назвать подозреваемого преступником.

Не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто журналистика — это не творчество, не призвание, а сплошные ограничения. Я бы эти «ограничения» назвал по-другому — долг, ответственность. Если в статье кого-то обвиняют без оснований, можно ли назвать автора такой статьи ответственным человеком? Зато ему точно придется отвечать за клевету в суде. Точно так же нельзя оскорблять, навешивать ярлыки, утаивать важную для общества информацию, отрицательно отзываться о национальности, вероисповедании, социальной принадлежности человека, о его болезнях или физических недостатках.

Конечно, это относится ко всем, но к журналистам — в первую очередь, потому что в их руках такие мощные средства, как печать, радио, телевидение, Интернет. Если журналист заботится о морали, о нравственности, о высоких идеалах, то имеет ли он право в своих материалах смаковать подробности преступления, использовать двусмысленные, на грани приличия, фразы, оправдывать и даже воспевать пороки?

Кто-то скажет: но ведь мы это, к сожалению, видим в так называемой жёлтой прессе, на телеэкране. Да, видим. Но многие ездят «зайцами» в

общественном транспорте и переходят улицу на красный свет. Оттого, что они так делают, это не перестает быть нарушением, за которое надо наказывать.

В сущности, если вдуматься, то все основные требования, предъявляемые к журналистам, — это, прежде всего, требования, которые предъявляются к любому человеку, независимо от профессии: не лгать, не предавать, не продаваться, не воровать (в данном случае — не заниматься плагиатом), не клеветать, не подтасовывать факты, не унижать честь и достоинство, не вмешиваться в чужую личную жизнь, не сводить личные счёты и т.д.

Принятая Международной федерацией журналистов декларация «Ваши обязанности как журналиста» начинается с фразы: «Уважение правды и права общества знать правду — первая заповедь журналиста». Но часто случается, что у каждого — своя правда, свой взгляд на событие, на поступок. В очередной раз повторю — надо стремиться быть точным, беспристрастным и добросовестным. А если журналист пишет о том, от чего зависит его личная выгода — может ли он оставаться свободным и беспристрастным? Если он получает от кого-то деньги за то, что в статье должен что-то скрыто рекламировать — может ли он оставаться честным? Если свою должность, свое положение использует для того, чтобы в ущерб истине манипулировать сознанием других — будет ли он уважаемым в обществе?

Часто в газетах мы видим броские заголовки. Читаем материал и недоумеваем — заголовок обещал одно, а в публикации — совсем о другом. Понятно: яркий заголовок придумали для того, чтобы завлечь, заставить купить газету. Некоторые этим даже гордятся. Тем не менее почти все кодексы этики — и наши, и европейские, и американские — однозначно осуждают такие поступки: «Заголовки газетных материалов должны полностью соответствовать содержанию статей, фотографии и телепередачи должны точно изображать события, а не вырывать их из контекста».

Не стоит забывать, что есть проступки, осуждаемые корпоративным сообществом (самими журналистами, Большим жюри Союза журналистов России и т.д.), а есть — гражданским и уголовным законодательством. Хотя работать надо так, что не было поводов ни для каких осуждений. Каждый сам выбирает профессию, следовательно, должен отвечать за этот выбор и принимать те правила, которые установлены в ней.

В этом небольшом материале невозможно остановиться на всех тонкостях (таких как этика

взаимоотношений коллег; особенности цитирования или иного правомочного использования чужих материалов; методы отстаивания убеждений; использование скрытых камеры или диктофона; внедрение в коллектив для сбора сведений и т.д.). Будем останавливаться на этих моментах, размышляя о материалах конкретных жанров.

<...>

РЕЦЕНЗИЯ

С рецензиями знакомы почти все. В школе читали Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского и других литературных критиков. Сами писали сочинения-отзывы о прочитанных книгах. Многие газеты и журналы, освещая события культурной жизни, публикуют рецензии на книги, спектакли, фильмы, концерты, выставки и т.д. А какими прекрасными рецензентами были выдающиеся поэты и прозаики — достаточно вспомнить «Письма о русской поэзии» Николая Гумилёва, которые сначала печатались в журнале «Аполлон», а потом выходили отдельными изданиями!

Рецензия столь важна, нужна и интересна, что еще в 1808 году вышла целая книга **Е. Станевича**, которая так и называлась — **«Способ рассматривать книги и судить о них»**. И по сей день на рецензировании специализируются многие печатные периодические издания: «Книжное обозрение», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Независимая газета» и другие. Есть даже телевизионные и радиопередачи, основой которых является рассказ о новых книгах (о тех из них, которые мне довелось вести на протяжении нескольких лет, скажу чуть ниже).

Слово «рецензия» переводится с латинского «*recensio*» как «рассмотрение», «обследование». Сейчас так называют литературно-критические материалы, принадлежащие к группе публицистических информационно-аналитических жанров. Действительно, прежде чем оценить какое-либо произведение, его детально разбирают, то есть читают, делают пометки и выписки, размышляют над ним, сопоставляют с другими, отмечают достоинства и недостатки. Но, как это бывает с любыми материалами, одни читаются неотрывно, а другие вызывают скуку и откладываются в сторону; одни чему-то учат или даже вызывают восторг, а другие раздражают, и хочется запомнить фамилию автора, чтобы никогда больше не читать написанного им. Почему так бывает? Потому, что быть хорошим рецензентом (так же, как и репортером, и очеркистом, и интервьюером, и эссеистом) — это свое искусство, свой талант. В литературной критике тоже есть

имена-гаранты: видишь такое имя в газете, и тут же покупаешь ее, независимо от того, о чем идет речь в материале; покупаешь потому, что уверен — гарантировано качество мысли, стиля, логики, оригинальность суждений. Так было, когда печатались статьи и рецензии Игоря Дедкова, Юрия Селезнева, Вадима Кожинова, Анатолия Ланщикова; так и теперь, когда появляются публикации Льва Аннинского, Игоря Золотусского, Мариэтты Чудаковой, Павла Басинского, Андрея Немзера и других наших современников.

Конечно, как и в каждом деле, здесь тоже есть ремесленники и халтурщики, но мы говорим не о них, а о тех, благодаря кому открываем для себя новые романы, новых авторов, а то и классику начинаем понимать по-другому: глубже, видя то, чего не замечали раньше. В XIX веке литератор Василий Курочкин на рецензентов-халтурщиков написал эпиграмму, которая широко известна по сей день: «Свежим воздухом дыши / Без особых претензий. / Если глуп, так не пиши. / А особенно — рецензий».

Имеется в виду, что рецензент должен обладать какими-то особыми качествами. Какими?

Во-первых, быть эрудированным, начитанным, свободно ориентироваться в текущем литературном процессе. Разве можно верно, по достоинству оценить повесть, не зная о том, кто еще из писателей работает в этом жанре и в этой теме; хуже это произведение или лучше тех, которые автор создал ранее; чем оно отличается от других повестей, посвященных той же эпохе или тем же историческим героям и т.д.

Во-вторых, это этические качества: говоря о книге, нельзя переносить оценки на личность автора. Плох стиль? Критикуй стиль, высмеивай, но мысли не допускай сказать: «Только безграмотный глупец может так писать». Есть случаи, когда надо четко осознавать: автор — отдельно, произведение — отдельно.

В-третьих, рецензент должен понимать, что его материал — не реклама книги (по опросам, лишь малая часть читателей, менее пяти процентов, следует рекомендациям критиков), а возможность продолжить с читателем тот разговор, который начал прозаик. Конечно, не стоит забывать и о дуалистической сущности рецензии, то есть о том, что она обращена одновременно и к автору произведения, и к читающей общественности. Следовательно, оценки должны быть взвешенными, продуманными, доказательными, обоснованными.

Многие считают, что в рецензии главное — написать о том, что нравится и что не нравится в произведении. Это — упрощенный, школьный взгляд. О таком подходе замеча-

тельно сказал В.Г. Белинский в своей «Речи о критике»: **«Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола, непосредственного чувства или индивидуального убеждения: суд предлежит разуму, а не лицам, и лица должны судить во имя общечеловеческого разума, а не во имя своей особы. Выражения: “мне нравится, мне не нравится” могут иметь свой вес, когда дело идет о кушаньях, винах, рысаках, гончих собаках и т. п.; тут могут быть даже свои авторитеты».** И дальше — еще более остро: **«Но когда дело идет о явлениях истории, науки, искусства, нравственности — там всякое я, которое судит самовольно и бездоказательно, основываясь только на своем чувстве и мнении, напоминает собою несчастного в доме умалишенных, который, с бумажною короною на голове, величаво и благоуспешно правит своим воображаемым народом, казнит и милует, объявляет войну и заключает мир, благо никто ему не мешает в этом невинном занятии. Критиковать значит искать и открывать в частном явлении общие законы разума...»** Критиковать — не значит ругать; в первую очередь — понимать созданное автором, и только на основе этого понимания строить свои суждения, соглашаться или не соглашаться, делать выводы, давать оценки.

Как писать рецензию? Прежде всего, надо научиться правильно оформлять библиографическое описание книги. Всего две строчки, а в них — много полезной информации для внимательного читателя. Например: **Панкеев, И. А. Энциклопедия этикета / Иван Панкеев. — 5-е изд., перераб. — М. : Олимп: АСТ, 2007. — 406 [10] с.** Сразу ясно, что на переплете напечатано «Иван Панкеев» (это указывается после «косой»); что это относительно новое издание (выпущено в 2007 г.), к тому же — переработанное, а не полностью повторяющее выпущенные ранее; вероятно, популярное, поскольку выходит не первый раз; что выпущено конкретными издательствами (а постоянный читатель сразу отличит книги «Терры» от книг «Науки», «Просвещения» или «Дрофы»). К тому же видно, что 10 страниц занимают иллюстрации. **И вообще — умение верно описывать книгу свидетельствует о культуре рецензента и о его уважении к читателю.**

Безусловно, надо придумать точный и оригинальный заголовок. Те, кто присылают в редакцию материалы без заголовка, очень рискуют. Во-первых, почему редактор должен выполнять вашу работу? Это уже формирует отношение к материалу как непрофессиональному. Во-вто-

рых, редактор из-за нехватки времени может придумать такое название, что вам потом долго придется объяснять своим знакомым, что это не ваше творчество. В-третьих, кто лучше вас знает и содержание книги, и то, что вы хотели сказать в своей рецензии?

Наверное, вы обратили внимание, что иногда я пишу «произведение», а иногда — «книга». В этом нет случайности. Когда при мне говорят, что Пушкин написал книгу, я всегда поправляю: не книгу, а роман. Потому что книг Пушкин не писал, их издавал издатель. И потому, что книга всегда больше произведения — в ней, кроме самого романа, еще есть аннотация, вступительная статья, комментарии, иллюстрации, указатели и т.д. Следовательно, **рецензия на произведение (в ней — об авторе, стиле, героях, сюжете, идее, актуальности, композиции, жанре и т.д.) отличается от рецензии на книгу (в ней, кроме перечисленного, надо сказать и о научно-справочном аппарате, оформлении, полиграфическом исполнении и т.д.).**

Надо ли в рецензии рассказывать об авторе произведения? Безусловно. Но не его биографию, а то, что имеет отношение к его творчеству в целом и к данному произведению в частности: какое место оно занимает среди других публикаций писателя, чем отличается, первая это его работа или нет, чем он уже известен читателю.

Многие начинающие рецензенты слишком большое внимание уделяют пересказу содержания. Конечно, сказать о фабуле или о некоторых сюжетных линиях надо. Но кто же станет читать детектив после того, как рецензент раскроет интригу? Одно дело — обозначить тему и проблему, и совсем иное — оказывать медвежью услугу как автору, так и читателю. Что касается рецензий на переиздаваемые классические произведения, то здесь пересказ и вовсе ни к чему — все знают сюжет «Пиковой дамы» и «Тихого Дона»; значит, внимание надо обратить на то, чем это издание отличается от прочих — на сопроводительный аппарат, на новые текстологические открытия и т.д.

Что касается стиля, то достаточно процитировать несколько удачных или неудачных авторских фраз, и читатель сам все поймет. Например, вижу цитаты: «кот проструился в слегка приоткрытую дверь», «сердце гулко заколотилось — как одинокая картофелина в пустом ведре» — и понимаю, что хочу читать эту повесть. Потому что метафоры точные, оригинальные. Сочный, колоритный язык, добротный стиль — это ведь радость, наслаждение: как от хорошей музыки или красивого живописного полотна. А другой рецензент, не ругая стиль, просто отмечает, что автор не в ладах с языком, если пишет «его жизнь

била разноцветными ключами». И я знаю, что не стану тратить время на чтение такого «шедевра»; и благодарен рецензенту за то, что он предупредил меня.

Любая рецензия интересна не только тем, что пишет критик непосредственно о произведении, но и размышлениями, вызванными этим произведением. Таковы работы Белинского: отталкиваясь, например, от «Евгения Онегина», он рассуждает о русской жизни в целом. Другими словами, рецензия дает возможность критику выразить свое отношение к действительности. Но при всей личности, оно тоже должно быть логичным, аргументированным, доказательным, а не по принципу «мне кажется», «мне хочется», «все так думают». Когда-то профессор А.В. Западов спрашивал нас, тогда еще студентов, почему людей со шпагами называют мушкетерами, ведь мушкет — это огнестрельное оружие? Мы начинали наново, внимательнее перечитывать роман Дюма и делали для себя немало открытий.

Прежде чем писать рецензию, надо пройти подготовительный этап. Одни делают пометки в книге, другие — на листах бумаги или на карточках, разделив их по темам («стиль+», «стиль —», «герои» и т.д.). Это помогает систематизировать наблюдения и ускорить работу.

Какой должна быть рецензия по объему? Это зависит от поставленной цели. Для информирования о книге достаточно расширенной аннотации (менее 1 страницы, около 1500 знаков); для ее аналитического разбора — около 3 страниц; для размышления о нескольких книгах — более 5 страниц. Но объем не должен быть самоцелью. Дело в качестве и завершенности мысли.

Если вы пишете рецензию на спектакль, чаще всего вовсе не надо говорить о содержании (если в основе — всем известные пьесы Островского, Чехова или Шекспира). Зато непременно надо сказать об игре актеров, о режиссерском решении, о музыкальном сопровождении, о работе художника и т.д. В разных театрах идут спектакли по одной и той же пьесе. Но в одном — аншлаги, билеты раскуплены на месяц вперед, а в другом — полупустой зал. Задача рецензента понять и объяснить — почему так.

У каждого рецензента есть свои секреты. Один из них заключается в том, что писать надо

не для человечества, а для конкретного человека. Один из моих студентов, который писал прекрасные статьи, однажды пожаловался на то, что у него не получаются рецензии. Я поинтересовался, есть ли у него друг или подруга, с которыми он честно, доверительно обсуждает проблемы? И предложил написать подруге письмо о книге. Затем, когда оно было написано, я вычеркнул начало и конец (приветствие и прощание), мы придумали заголовок, добавили библиографическое описание, перепечатали и отнесли в редакцию. Рецензия имела успех — после ее

публикации читатели звонили в редакцию с вопросом: «Где можно купить эту книгу?». А дело в том, что каждый читавший почувствовал — это обращено именно к нему, а не к безликой массе; здесь все просто, доходчиво, честно, точно.

Почему я рекомендовал этот прием? Потому что сам всегда использовал его, особенно в тех случаях, когда, в отличие от рецензирования в газете, видны мимика, жесты, выражение глаз рецензента, слышен голос: в радио- и телепередачах. Их было в моей биографии не так уж мало — «Книжная лавка», «В мире книг», «Книжный мир» и т.д. И всегда, сев перед телекамерой или микрофоном, я представлял, что говорю об этой книге конкретному родственнику, другу или коллеге, которому именно эта книга, это произведение могут быть интересны. Такой внутренний, невидимый миру диалог делает рассказ живым и свободным: не станете же вы разговаривать с близким человеком казенным языком, не станете с ним лукавить. Полагаю, что и этот момент делал передачи не только популярными, но и реально полезными — книги, о которых в них говорилось, раскупались огромными тиражами, будь то словарь В.И. Даля или серия «Русский дом», «Избранное» Кнута Гамсуна или энциклопедия для детей. Вы скажете — это совсем другой жанр? Лишь отчасти. Дело в том, что почти все эти устные рецензии печатались потом в газетах «Книга в Москве», «Домашнее чтение» и других и имели такой же резонанс, но уже не всероссийский, а в пределах города. Так что о человечестве полезнее заботиться, держа в голове образ конкретного человека.

Пишите просто и увлекательно о сложном; так, чтобы написанное интересно было самому перечитать через год или три — и всё получится.